

Г. Ф. УСТИНОВ

Трибун революции

I

В зареве революции

На железнодорожной насыпи, недалеко от убогих построек станции «Свияжск», в синюю сентябрьскую ночь стоял человек в непромокаемом пальто защитного цвета. Одна рука у него закинута назад, в другой — бинокль. Впереди, над черными зубцами леса, дрожит зарево пожара. Это казанские рабочие, помогая солдатам революции, подняли восстание против черной армии буржуазии.

Глухо доносится грохот легкой артиллерии. Социалист-революционер и известный русский писатель Борис Савинков-Ропшин¹ совместно с офицерами французской службы Лебедевым и Степановым и членом русского Учредительного собрания Фортунатовым расправляются огнем и железом с восставшими русскими рабочими². Там, этой синей сентябрьской ночью, льется рабочая кровь. Святая кровь труда.

Человек в защитном пальто быстрым движением поправил пенсне. Еще новое быстрое движение — и снова у глаз бинокль. А по синей сентябрьской ночи все шире и шире, словно пролитая кровь, разливается жемчужно-рубиновое зарево.

Человек в защитном пальто оторвал от глаз бинокля. Небрежно опустив его в карман, он идет вдоль по железнодорожной насыпи к смутно темнеющим на линии вагонам.

Это Троцкий.

Через день — он на террасе волжского парохода. Прижавшись к поручню, напряженно всматривается во мгlistую синь,

вдоль реки, куда медленно отплывает этот плавучий дворец, наполненный странными, необычными пассажирами. Матросы, серые шинели красноармейцев и опять матросы. Они окружили Троцкого. Отрывочные фразы, беглые, глубоко серьезные улыбки на запекшихся шершавых губах. Хлесткая матросская шутка трогает полные, чуть вывороченные губы Троцкого. Трагическая улыбка, которую, увидевши раз, нельзя забыть.

Пароход только что отчалил от пристани «Свяжск» и выходит на фарватер. Вокруг напряженная тишина. Но как только пароход вышел на средину реки и полным ходом устремился к Казани, где еще только день тому назад гремели выстрелы наемников, истреблявших русских рабочих, — вся революционная флотилия, все два десятка пароходов грянули салют. Заревели густые басовитые гудки белых великанов, радостно залились маленькие винтовые «разведчики».

Все замолкли на уходящем пароходе. У некоторых слезы на суровых загорелых лицах. Слезы восторга, охватившего душу. А Троцкий все стоит у поручня, неподвижный, как серая, каменная статуя, и смотрит вперед, где в сизеющей дали, заволоченной тающим дымом, затихла освобожденная Казань.

А на другой день в казанском театре, до-туга наполненном казанскими рабочими и красноармейцами, он говорит при напряженном молчании³:

«— Напрасно ваши меньшевики и казанские купцы стращали казанских граждан большевикам. Напрасно вам говорили, что Красная армия разграбит город и будет творить зверства. Это им не помогло, им никто из вас не поверил. Мы не станем уничтожать тех, кто раньше был эксплуататором и отказался быть им теперь. Мы боремся с теми, кто еще лелеет в себе мечту быть эксплуататором и жить вашим трудом в будущем, как он жил ранее. Если буржуазия откажется быть хищником и будет трудиться наравне с нами, мы скажем ей: иди — трудись и живи вместе с нами. Но если буржуазия хочет, чтобы трудились только мы, а она жила бы пышно за счет наших трудов, то мы противопоставим ее хищничеству вооруженную рабочую силу. Буржуазия говорит, что мы — против искусства. Нет, мы признаем искусство и высоко ценим его. Но если нам скажут, что вот этот театр только для буржуазии, мы взорвем его. Если нам скажут, что солнце должно светить только для буржуазии, мы потушим солнце».

Театр гремел. Здесь, как и всюду за эти дни, Троцкого встретили так, как встречают тех людей, которых понимают, которых чувствуют. Так встречают тех людей, которые говорят то, что получает отзвук в каждой честной душе.

Еще десять-пятнадцать минут. Речь кончена. К Троцкому подходит красноармеец и что-то шепчет на ухо. Троцкой делает жест народу, кивает головой и выходит.

Огромная площадь перед театром вся окутана сумраком. Но сумрак этот живет, сдержанно гудит тысячами голосов. Непроницаемая стена человеческих тел. Это те, кто не достал себе места в театре. Они послали делегацию, с просьбой, чтобы Троцкий сказал им «хоть два слова».

И Троцкий вышел.

— Товарищи! — раздается в сумраке его резкий, слегка осипший голос. — Приветствую вас от лица героической Красной армии, освободившей Казань, и от имени Совета народных комиссаров.

Сумрак ожил. Звучат тысячи голосов, тянутся вверх к балкону тысячи рук. Так не встречают героев. Так встречают борцов. Так встречают людей, в которых чувствуют душу, родную своей душе. Так встречают вождей, в которых масса чувствует воплощение лучшей части самое себя.

II

На революционном посту

В истории революционного движения, а в особенности в истории Гражданской войны, большое место будет отведено «Поезду Троцкого». Несомненно, что этот поезд был локомотивом большинства революционных военных побед.

«Поезд Троцкого» и «Политкомы». Это тоже детище Троцкого. Что такое эти Политкомы?

Передо мной маленькая записная книжечка. Дали в политическом штабе.

— Когда вернетесь в центр, передайте родным тов. Розина. Это — политический комиссар, убит в сражении под Красной Горкой.

Книжечка темная, с порванными листками. Обложка залита кровью. Кровь просочилась и внутрь, расплзлась по торопливо

исписанным листкам. Засохла на обресе. Розин убит пулей в грудь. Свежая, горячая кровь залила и одежду, и эту книжечку, лежавшую в грудном кармане.

Я не мог передать книжечку. Но она оживила в моей памяти одну незабываемую картину, один огненный период русской революции, когда на карту был поставлен вопрос не только о существовании Советской России, а нечто неизмеримо большее. Тогда решалась — и решилась — судьба мировой революции. Это понимали и мы, и наши враги.

Это было под Казанью.

Молодая, еще неопытная Красная армия была полна колебаний и страха. Только бесстрашные матросы налетали, как орлы на контрреволюционных воронов, разбивая их и вводя в смятение их стаи.

В момент хаоса и беспорядка в армии Троцкий позвал из тыла рабочих, партийных товарищей. Надо было ввести железную организацию, внедрить строжайшую дисциплину, установить в армии революционный порядок. В армии, состоящей почти сплошь из случайных безработных — людей, чуждых революционному долгу, революционной сознательности.

В эту армию пришли рабочие, пришли партийные интеллигенты, для которых победа революции — цель жизни; для которых поражение — больше, чем самая мучительная смерть.

Пришли — и армия изменилась. Надо было быть одновременно и суровым начальником, и нежно любящим братом, в дремавшую душу надо было вдохнуть сознание. Надо было сделать, чтобы все эти случайно собравшиеся люди знали, за что они идут умирать...

Троцкий угадал. Только рабочие могли выполнить эту задачу. И они выполняли. Политком оказался таким же двигателем революционных побед, как и «Поезд Троцкого». И началось это в то время, когда в лагере врагов революции уже началось ликование, когда им казалось, что все боги улыбаются только им, когда им казалось, что русская, а также и мировая революция уже задрана, что уже пора праздновать победу.

У них был «единый фронт». Правый социалист-революционер Борис Савинков сидел на одной скамье с офицером французской службы Лебедевым и полковником Степановым. Русские монархисты курили им фимиам, заседаая вместе с ними в белогвардейском штабе, как равноправные члены. Большевики призывали

под ружье всех граждан Казани, уверяя в своей газете («Рабочее дело»), что если большевики возьмут Казань, то вырежут «все население и изнасилуют всех женщин», потому что «Троцкий сказал матросам: — Возьмите Казань и делайте с нею, что хотите». Эту ложь до последних пределов раздували буржуазные и черносотенные газеты. И этой лжи верили все. Не верили только казанские рабочие. И когда они, не будучи в силах выносить далее гнет власти «учредительного собрания»⁴, под фирмой которого действовали черносотенцы при ближайшей помощи меньшевиков и социалистов революционеров, когда они, эти герои — казанские рабочие — подняли восстание, меньшевики закричали в своей газете, что действия рабочих — измена, и требовали суровой расправы... Такой же расправы требовали и черносотенцы в своей газете и кадеты, в «Камско-Волжской речи», очень часто открывавшейся передовыми статьями за подписью: Борис Савинков.

Так вместе с богами улыбались белогвардейцам и правые эсеры, и большевики. И, однако, несмотря на то, что белогвардейцам улыбались все боги, меньшевики и правые социалисты-революционеры, — белогвардейский штаб почувствовал, что пришел конец. Надо было что-то придумать.

Надо было на что-то решиться, надо было затеять новую авантюру, надо было решиться на новое преступление. Ими овладело отчаяние. И с отчаяния они решались на злодеяние.

Правыми эсерами было организовано покушение на В. И. Ульянова-Ленина⁵. А в это время та же направляющая рука действовала под Казанью. В белогвардейском штабе, в августе 1918 года, был задуман и разработан чудовищный план убийства вождей русского революционного пролетариата. Несомненно, что за спиной этого штаба стояла не только активная контрреволюционная русская буржуазия. Там был замешан, конечно, и союзнический капитал, и союзническая дипломатия, представитель которой так же сидел в белогвардейском штабе. Там были замешаны и русские организованные монархисты, и Учредительное собрание, представителем которого в белогвардейском штабе был г. Фортунатов. План был задуман широко. В Москве существовала целая организация, руководимая дипломатическими представителями союзников, Локкартом и компанией⁶. Нет сомнения, что у нее существовала довольно правильная связь с казанским белогвардейским штабом. И там, и тут разрешался все тот же вопрос —

об уничтожении вождей русской революции. Дипломатические представители союзников полагали, что Ленина и Троцкого лучше «взять живьем», увезти в Англию и там предать публичной смертной казни в острастку английским и французским рабочим, «чтобы не смели делать революцию». Другие возражали:

— Вы не знаете силы влияния Ленина и Троцкого на рабочих и солдат. Они сумеют дорогой убедить конвой и бегут вместе с ним...

Такой исход не удовлетворял. Удовлетворил другой: убить и захватить власть в свои руки. Для осуществления этого плана было решено: на Ленина направить с револьвером полусумасшедшую женщину Каплан⁷, а Троцкого взять живьем вместе с его поездом, стоявшим тогда на станции «Свияжск». Последнее преступление взялись выполнить: правый социалист Борис Савинков, офицер французской службы Лебедев и «учредиловец» Фортунатов.

28 августа 1918 г. все трое стали во главе отборных чехословацких кавалерийских отрядов в 500 чел. каждый. Удалось зайти в тыл «Поезда Троцкого» на целых 8 верст. Захватили железнодорожную станцию «Тюрлема». Взорвали около 50 вагонов со снарядами.

Начался бой. Не бой, не война, а нечто более кошмарное, небывалое. Полторы тысячи отборных всадников наступали. Оборонялись три-четыре сотни матросов и добровольцев. Работали два бронированных поезда.

Это было ужасное, чудовищное сражение.

Большинство наших частей было занято под Услонами Красной Горкой, где полковником Степановым было приказано повести наступление, чтобы мы не могли оттянуть наши силы. У белогвардейцев откуда-то взялась артиллерия. Перевес был безусловный. У нас — горсть храбрецов. У них сила. Стойкая, привычная к боям, жестокая, твердая, дисциплинированная. Но у нас было два бронированных поезда. Но у нас были политические комиссары, которые не знали — что такое отступление. Но у нас были матросы, которые знали, что если они сдадут, погибнет их вождь, погибнет Троцкий, которого они привыкли видеть каждый день среди их рядов, которого они успели узнать и успели глубоко полюбить. Как брата. Как отца. Как вождя. Такого же неустрашимого, как и они. Это им удалось испытать не раз.

Чехословаки дрались с отчаянным ожесточением. Цепи их тянулись из-за холмов непрерывной вереницей. Как траву, косилих

пулеметный огонь наших бронированных поездов. В 5–10 минут легло несколько сот. А они все идут. Точно убитые вставали вновь, заползали за холмы и снова выползали с винтовкой наперевес. Потом, казалось, дрогнули. Как искра, пробежало замешательство по их рядам.

— Товарищи... сдаюсь...

Подняли руки.

Броневики прекратили огонь.

Чехи шли в плен, таща за собою винтовки. Но вдруг, подойдя на расстояние всего нескольких десятков шагов, оно легли на землю, как один человек. Мгновение — и затрещали ружейные выстрелы. Чехи расстреливали наших почти в упор.

Ожесточение усилилось, дошло до последней степени.

Напрасно чехи затевали новую провокацию. Напрасно кричали снова: «Товарищи, сдаюсь». Напрасно бросала ружья... Напрасно поднимали руки. Им больше не верили.

Сражение продолжалось непрерывно около 8-ми часов. У наших частей были расстреляны все патроны. Оба броневика были свалены под откос белогвардейской артиллерией. Один пришлось взорвать самим при отходе на новое место. Оставшиеся несколько десятков человек, способных к бою, несколько раз ходили на чехов в атаку без одного выстрела с одними штыками. И, наконец, побежали. И те, и другие в одну минуту, в одно мгновение. Поле сражения было очищено одновременно обеими сторонами. И там, и здесь всякая возможность дальнейшего боя была исчерпана.

В один момент наступила жуткая тишина. На железнодорожной линии, точно два огромных трупа, чернели разбитые броневики. По холмам, в оврагах и рывинах — всюду валялись трупы, трупы...

Бой был кончен. Несколько сот отважных матросов грудью своей отстояли своего вождя, отстояли русскую революцию, спасли дело рабочих всего мира. Успех под Тюрлемой удесятерил бы силы наших противников, окрылил бы надеждой не только русскую контрреволюцию... Они удержали бы Казань. От Казани они пошли бы дальше, захватили бы целый ряд городов вверх по Волге, организовали бы мятеж в Петербурге и Москве. Но этого не случилось. Под Тюрлемой мы потеряли многое; белогвардейцы же потеряли почти все.

Замысел союзно-русского капитала потерпел полное крушение. Троцкий остался невредим. Ленин выздоровел.

III *Далекий и близкий*

Лицо Троцкого — лицо русской революции. Великий человек играет роль великого человека. Великий народ творит великое дело.

Троцкий воплотил в себе весь характер русской революции. Это безотступный, неизменный трагизм. Только трагизм. Ни одной улыбки. Ни одного примиряющего жеста по отношению к врагам. Так требует история. И — ни одного слова издевательства с побежденными. Троцкий в то же время и джентльмен революции, прекрасный дипломат, остроумнейший оппонент, тонкий сатирик. Он весь без улыбки. Но зато его смех хлещет, как бич, его насмешливые слова остры, как кинжал. Отравленный кинжал. Он слишком глубоко верит в то дело, которое он делает, чтобы перед кем-нибудь отступить. Когда меньшевики задали вопрос, «какое имел право питерский пролетариат брать в руки всероссийскую власть (26 октября)?», на этот вопрос и именно так, как было это сказано, мог ответить только Троцкий:

— Да, петербургский пролетариат взял в свои руки власть, чтобы передать ее Всероссийскому Съезду Советов. Если Съезд Советов откажется от нее — и решит, что мы должны возвратить ее Керенскому, мы немедленно возвратим ее Керенскому.

Эго было на Съезде Советов. На втором Всероссийском съезде, заседавшем во время Великой Октябрьской революции.

И Съезд не отказался. От революционного петербургского пролетариата он принял власть, отбитую у буржуазии.

Если Гейне говорил: «Я — меч, я — пламя»⁸, — и говорил правильно, без хвастовства, без преувеличения, — то Троцкого без того же преувеличения можно назвать:

— Пламенный революционный трибун.

Пламенная, карающая десница революция. И как истинная народная революция, Троцкой умеет быть великодушным и мягким. Будущий историк подметит в нашей революции один замечательный факт: она была в сотни, тысячи раз добрее и великодушнее со своими врагами, чем с нею — ее враги. Народ не мстит, он умеет прощать. Он только борется. Тысячи людей, попавших в плен из белогвардейского лагеря, обязаны жизнью Троцкому. Он щадил рабочих и крестьян, шедших против революции по неведению.

Несколькими словами он умел им объяснить, какое ужасное дело они делали. И очень часто из этих пленников выходили лучшие красноармейские полки.

Троцкий не карал и обывателя, который — хоть убей — не мог понять, для чего совершаются в мире революции, — не мог и требовал от власти только одного: спокойствия и хлеба; и если ему этого не давали, потому что не мог дать некто, никакая власть, он шипел против власти рабочих и крестьян, строил ей козни, надеялся на ту власть, которая придет, не зная, что и та точно так же не может дать ни хлеба, ни спокойствия. Никогда Троцкий не карал этих невежд, этих себялюбивых несчастных болтунов, этих «врагов революции». Он понимал, что эти «враги» одинаковы для той и другой стороны, но и там, и тут они — враги пассивные. Это тот обывательский середняк, который хочет немногого. Только того, чтобы «после всех этих переворотов у меня был чай с вареньем и не дошли с голода ребятишки».

Такой обывательский середняк не боялся Троцкого, не боялся революции. Когда советские войска брали какой-либо город, с белогвардейцами уходил только богатый обыватель, только капиталист, заводчик, крупный торговец. Только тот, кто жил за счет чужого труда.

И никогда Троцкий, вступая в побежденный город, не позволял ограбить хоть одну квартиру; не позволял тронуть пальцем хотя бы одного гражданина, если против него нет достаточных обвинений. И Троцкого понимали. Троцкому повиновались. При вступлении в Казань, например, не было совершено ни красноармейцами, ни матросами ни одного грабежа.

Революция имеет трагическое лицо. Но у нее никогда не было лица разбойника. Хотя бы поэтического разбойника, какого воспевают в своих «революционных поэмах» А. Блок, Каменский и другие поэты, которые не сумели увидеть ее лица⁹. Она некогда не издевалась над пленниками, как издевалось над красноармейцами и матросами «интеллигентное офицерство», например, в той же Казани. Она умеет только карать. Она не будет вколачивать гвозди в черепа, как офицеры вколачивали их в черепа матросов в Казани. Она не будет отрубать половые органы пленникам, как это делали офицеры с красноармейцами в Казани и всюду. Она не будет вырезывать детей за то, что против нее боролись их отцы. У контрреволюции — разбойное лицо. Это ее характерная

черта. Это — ее природа. Буржуазия была разбойником сотни лет до революции. Может ли быть она не разбойником, когда у нее отнимают награбленное. Может ли быть она иной?

Характерно, что Троцкого боится все российское и, вероятно, зарубежное мещанство. Боится все трусливое, мягкотелое, жаждущее тишины, застойного болотного покоя. Боится и втайне, вероятно, ненавидит. Это ненависть примирившегося раба к беспокойному бунтарю. «Лучше спокойное рабское существование, чем бунт, который может принести смерть». Так думает раб, так думает мещанин, так думает обыватель, почитывавший раньше тайком от начальства либеральные газеты. Они не признают жизни без тихого, мещанского покоя. Троцкий не признает ее без свободы, без бунта против рабства и угнетения. Троцкий — непримирим. Его дело — это не мирное строительство, а борьба. Борьба до победы или до смерти. Его можно уничтожить, но покорить — никогда.

Крестьянство, в особенности зажиточное, также боится Троцкого. Буржуа по природе, оно постоянно стремится отойти от борьбы, но это ему не мешает пользоваться плодами революции, добытыми другими. Деревенские кулаки Троцкого ненавидят. Буржуазия города и деревни одинакова в своих симпатиях, в своей любви и ненависти. Вся буржуазия, где бы она ни жила, ненавидит Троцкого душной, нечеловеческой ненавистью. Этим Троцкий мог бы гордиться. Значит, она признает в нем великую силу. Значит, она понимает — с каким могучим врагом ей приходится иметь дело.

Для крестьянства Троцкий — бунтарь. Имя его — вестник беспокорства. Это тот Горьковский Данко, который вырвал из груди сердце и, освещая им, как факелом, дорогу, вел за собою несчастных людей вперед, на борьбу, к славному будущему. Это тот человек, который не дает спать никому, пока еще не достигнута цель. Это вечно звучащий набатный зов.

Таков Троцкий на расстоянии. Таков Троцкий далекий. Кто был около Троцкого вблизи, тот видел это трагическое лицо — лицо русской революции.

Бледное, белое, матовое лицо. Поразительной белизны шея. Густо легли серебряные нити на висках и на затылке. Крупные губы, сильно выдавшийся подбородок. У этого человека такая воля, какая должна быть у Троцкого. Голос резкий, звенящий,

грозный, уверенный, предостерегающий. Улыбка... Она иногда бывает такой же детской, такой же привлекательной, такой же доброй, мягкой и ласковой, какая в редкие минуты бывает у нашей революции. Смех глубокий, полный внутреннего трагизма. Смех, способный уничтожить мгновенно. Как улыбка, которая способна мгновенно воскресить.

* * *

...Ровные, гладкие самарские степи. Гладкие, словно цементные, поблескивающие дороги. Только что сжата рожь. Тишина и солнечный покой.

Меланхолические верблюды, вытянув морды, медленным ритмическим шагом идут один за другим, таща за собою неуклюжие повозки. Небо почти белое, глубокое. Воздух дрожит от зноя.

Среди этих ровных и гладких степей поблескивают рельсы железнодорожного полотна. Узкоколейка. Необычно длинные вагоны с необычными пассажирами. Защитного цвета френчи, матросские блузы.

В середине поезда — особенно длинный вагон. У окна — Троцкий. За длинным столом — командующий армией... бывший парикмахер¹⁰. Самородок, блестящий знаток военного дела, хороший командир, интеллигентный, хорошо развитый. Рядом — Чапаев. Знаменитый Чапаев, командир знаменитого «чапаевского» отряда. Унтер-офицер. Большие, закрученные кверху усы, серые глаза, загорелое цвета бронзы лицо. Это тот самый Чапаев, отряд которого не раз громил чехословаков и подавлял бунты кулаков. Тот самый отряд, которые пользовался прекрасной славой:

— Вот настоящий большевистский отряд. Он не грабит, не возьмет без спросу ни одного снопа соломы. Наш отряд, крестьянский отряд.

Крестьяне записывались в него все поголовно — бедняки и середняки. Впрочем, здесь все — середняки.

На каждую семью для поля остается один работник из мужчин. Кончил работу — прощайся с женой и — в чапаевский отряд защищать от чехов и помещиков землю и Советы. Таково «мирское» постановление.

Чапаев втихомолку любит Троцкого, который стоит у окна, всматриваясь в безграничную ширь степей.

— Хорошо тут у вас...

Добрая, детская улыбка. Редкая улыбка на этом постоянно серьезном, трагическом лице.

Чапаев подходит к окну.

— Вот здесь у вас было сражение с чехами. Вот на этом пригорке стоял с пулеметом мой старый боевой товарищ... Таких пулеметчиков немного. Он один тогда скошил чехов до сотни. По нему бьют из артиллерии, пристреливаются две трехдюймовки вон с того бугра... А он все щелкает, все щелкает. Сколько уничтожил одной кавалерии! Потом две пули сразу: одна — в сердце, другая — в висок...

Он вздохнул и громче прибавил:

— Но мы тогда победили... может быть, из-за него...

Лицо его вдруг стало сурово.

— Вы тогда были ранены?

— Нет, только контужен. Подо мной были убиты одна за другой две лошади. Первую срезало пулей, вторую снарядом. Оторвало голову. А мне повезло: только контузия...

Командир армии усмехнулся, вслушавшись в разговор.

— Но какая контузия! — сказал он, оборачиваясь к Троцкому. — Мы думали, что конец... Спасибо казаку: под пулями сбежал к реке, принес воды и давай отливать товарища Чапаева. «У нас, — говорит, — на войне всегда так от этой болезни лечили». И вылечил. Чапаев очнулся. Мы его на руки было да в деревню, а он скрипит зубами и лошадь просит. Привели лошадь, третью за этот день. Вскарabкался — и в бой...

Троцкий отвернулся. Бывают моменты, когда трудно сдерживать свои чувства.

Чапаев сел на стул. Он, очевидно, был недоволен, что командир рассказал Троцкому о его геройстве, которому сам он не придавал никакой цены.

Затихли. Разговаривали только остальные сидевшие за столом — поездная администрация, журналисты.

...Те же гладкие ровные степи, гладкие и ровные дороги. Автомобили бесшумно скользят с маленьких холмов в неглубокие ложбины. Холмик и ложбина, холмик и ложбина. И те же меланхолические верблюды с вытянутыми мордами маячат то в той, то в другой стороне.

Небольшая деревня с избами, похожими на украинские мазанки. Около автомобилей в минуту собрались женщины. Еще

минута — и во всех автомобилях десятки арбузов. Кто-то предложил деньги — куда!..

У коричневого автомобиля, на котором постоянно ездит Троцкий, стоит он сам. Локтями облокотился на борт, в одной руке ломоть арбуза, в другой — кусочек еще теплого, только что выхваченного из печи, белого хлеба. Вокруг него — крестьяне.

Ведется ровный, товарищеский разговор. Троцкого узнали. Там, в этих степях, как и в Москве в советских учреждениях, есть портреты и Ленина, и Троцкого. А у Троцкого настолько характерное лицо, что его можно узнать по самому плохому его портрету.

Пожилой крестьянин рассказывает, как им плохо приходилось от чехословаков и «от тех, что за учредилку».

— Мы все теперь поняли — что такое Советская власть. А раньше шли против... Нечего греха таить — шли, — грустно вздохнул он. — Темны были. Пришли чехи и просветлили нас. Теперь вот всем обществом три тысячи лошадей для Красной армии собрали... Завтра отправлять будем.

— Почему здесь у вас принимают лошадей? — спросил один из приехавших.

Крестьянин хмуро посмотрел на него.

— Нипочем, — сердито сказал он. — Свое дело, свою землю защищаем. За это деньги брать не с кого... Мы целое лето армию кормили, а разве кто-нибудь из нас посмел взять хоть одну полушку?! Наша армия — мы и кормить должны!..

Около автомобиля, внимательно рассматривая Троцкого, стоит мальчуган-подросток. Заметив его, Троцкий улыбнулся и спросил:

— А ты за кого: за белых или за Красную армию?

Мальчуган бойко вскинул на Троцкого живые задорные глаза:

— У нас все за Красную армию, потому что мы — бедные.

* * *

Опять холмы и ложбинки, и снова — селение. Здесь стоит полк. Сегодня он должен был выступить, но солдаты узнали, что приехал Троцкий и попросили командиров, чтобы им показали «самого Троцкого». Но Троцкий уже ехал к ним и без просьбы.

Стройные, прекрасно марширующие колонны. Но бог мой — насколько разнообразны эти «солдатские» костюмы... Вот огромный человек в измятом цилиндре, босой, с комическим, донельзя загорелым лицом. Это тот самый, о котором нам в дороге рассказы-

вал, что он стреляет из пулемета с руки, как из винтовки. Силища необычайная. Несколько дней тому назад он один с пулеметом отбил у противника целый обоз, что-то около двухсот подвод...

Живые, радостные лица. Ни на одном не написано старой фразы: держись, приехало начальство.

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравия желаем, товарищ Троцкий.

Троцкий раздает подарки. Отличившихся нет. Весь полк, как на подбор. Командиры устают рассказывать обо всех подвигах героизма и отваги своих солдат. Вот старик с пятнадцатилетним сыном. Сражаются всегда бок о бок. И тот, и другой относятся к смерти с глубоким презрением.

— Есть у меня и постарше сын, да тот в поле нужен. А мы с малышом здесь больше у места. Ежели работать, так оба наработаем с него, а навоюем вдвое...

Троцкий дает им по серебряным карманным часам.

Но тут же и случилась маленькая неловкость. Солдаты вдруг заволновались.

— Сестра Александрова, — загудел весь полк. — Сестра Александрова!..

Сквозь ряды колонн проходит полная девушка в белом платочке. Лицо горит от смущения.

— Она всегда с нами, — объясняет командир. — Любимица всех солдат. Всегда в передовой цепи под бешеным огнем перевязывает, а иногда... — он смущенно улыбнулся, — иногда и выносит раненых из самого огня... Сила у нее завидная.

Троцкий, улыбаясь, смотрит на подарки, предназначенные к раздаче. Портсигары и мужские часы... Он не предполагал, что ему придется награждать дам.

— Возьмите портсигар, — говорит сестре один находчивый журналист. — Сделаете себе ридикюль...

Сестра Александрова смущенно протянула руку и, не выбирая, взяла самый маленький серебряный портсигар. Журналист огорченно качает головой.

— Благодарю вас сестра за вашу работу, — сказал растроганный Троцкий. — Вы — редкая из самых редких женщин...

После раздачи подарков Троцкий, уже давно охрипший от постоянных речей, которые ему приходилось в течение нескольких недель подряд произносить и днем, и ночью, — вошел на автомо-

биль и заговорил. И как только заговорил, все лица стали другие. Это было одно лицо — то же, что и у Троцкого: трагическое лицо революции.

* * *

Второй полк, третий...

Те же бодрые лица, та же радостная встреча.

Подарки уже все. Троцкий уже давно отдал даже свои собственные часы одному из крестьянских героев. Тогда он жмет руки этим бронзовым людям с винтовками за плечами и крепко, по-братски, целует в губы. Больше подарить нечего.

Солнце опускалось за степи. Наступала ночь. С полей потянуло прохладой, запахом пережженных трав.

Этой ночью должно было начаться наше наступление.

— Встретимся в Самаре, — говорил Троцкий, прощаясь с солдатами.

Он не ошибся. За одну ночь эти три полка сделали чудеса. Вскоре они взяли Самару¹¹.

IV

Нездешняя сила

— Ваше приказание исполнено: Симбирск взят. Тухачевский¹². Так доносил Троцкому командующий армией, взявшей Симбирск.

Все, кто был около Троцкого, убедились, что сила его приказа заключается вовсе не в его личности. Троцкий — не герой, не полководец, не диктатор. Троцкий — это экстракт организованной воли революционного коллектива. Его приказание всегда находит отклик в душе того, кому он приказывает. Приказ Троцкого — это воля революции. Необъятно большой человек воплотил в себе всеобщую волю великого революционного коллектива. Это тот человек, который безошибочно понял направление революционных событий, понял их исторический путь. Троцкий без событий — простой смертный, эмигрант, талантливый журналист. Троцкий на фоне революционных событий — колоссальная историческая фигура. Его имя пройдет через десятки поколений... Его воля — нездешняя воля: с нею по могуществу не может спорить ничто и никто. Это воля масс. Активных масс, организованного

революционного коллектива, который очень хорошо знает — чего он хочет. В Троцком кристаллизировалась вся психика революции, вся совесть, весь гнев, все великодушие, вся гордость, вся моральная сила масс, творящих революцию. И сладость побед, и мучительные страдания поражений. Троцкий — экстракт революции, ее лицо, ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум.

О Троцком много ходит рассказов, и все они характеризуют его как человека, обладающего какой-то сверхъестественной волей. Как наиболее характерное отмечают, что он, как никто, чувствует настроение аудитории, настроение большого количества собравшихся людей, с которыми ему приходится иметь дело. Только Троцкий может разбудить в массе чувства, которые дотол не были ни кем в ней разбужены. Только Троцкий, воплотивший в себе несокрушимую волю огромного коллектива, этой волей может заставить покориться себе любой коллектив, если он слабее и меньше того, выразителем воли которого является Троцкий. Это нездешняя воля. Новая воля, новая в мире мощь, рожденная Российской Коммунистической Революцией.

Все это нисколько, однако, не умаляет тех огромных внутренних свойств, которыми обладает Троцкий. Уже одно то, что он сумел воплотить в себе волю огромного коллектива, показывает необычайную индивидуальную внутреннюю силу его. До Троцкого не было в России организаторов. Это он первый показал, до каких пределов один человек может довести организацию. Это он первый показал — что может сделать один энергичный, искренно преданный идее человек, если только он этого захочет. Это — самый яркий пример революционной стойкости, революционной энергии, может быть, революционного фанатизма.

Когда Троцкий ездит в своем, теперь уже знаменитом и, несомненно, историческом, поезде, он превращается в стального неутомимого человека. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь спал днем. Никто еще не понял — почему же он, однако, в любой час ночи появляется всякий раз на какой-нибудь, даже самой захолустной станции, в любую погоду и неизменно держит к солдатам речь, если только они об этом просят. Никто не понимает — когда же Троцкий находит время просмотреть огромное количество телеграмм, проектов и донесений и на каждом и каждой из них дать свою пометку, свое заключение. Никто

не понимает — когда же Троцкий успел так хорошо изучить военное дело, как он знал его уже в конце 1918 года... Когда он успевает подготавливаться к своим, почти всегда основательным и исчерпывающим речам, всегда ярким и всегда блестящим, — которые он произносит то на Съезде Советов, то в Центральном исполнительном комитете, то в каком-либо из крупных вырванных у противника или обороняющихся от него городов... Когда он успевает писать статьи для своей поездной газеты «В пути» и для центральной и советской прессы... И, наконец, когда он успевает так блестяще организовывать фронт за фронтом и притом — в те минуты, когда уже для всех кажется, что там или тут дело проиграно почти безнадежно?!

Да, конечно, Троцкий — талант. Но Троцкий в то же время и работник, которому много дано. И с него много спрашивается. А он дает даже больше, чем с него спрашивается. У него особая сила. Исключительная. Нездешняя.

V

Кто он?

— Я заявляю официально: у меня имеются точные данные, что мятеж в Ярославле учинен Савинковым по приказанию союзников¹³. Савинков возражал союзникам, говорил, что он не верит в успешность ярославского «восстания». Но контрреволюционный союзнический штаб приказал ему не рассуждать, раз он получает от союзников средства.

Так говорил Троцкий в казанском театре на второй день после взятия Казани на митинге, о котором упоминается в начале этой книги.

Это — исключительный трагизм русской революции, когда социалисты, или бывшие социалисты, прибегают к зарубежному капиталу за помощью для подавления рабочего социалистического движения. Николай II за тем же прибегал к французским банкирам в 905-х годах...

Троцкий, разумеется, сделал много зла нашим бывшим «союзникам», — по их представлению. Когда весь трудящийся русский народ захотел выйти из проклятой империалистической бойни, союзники решили, что это Троцкий с Лениным не дают ему воевать за интересы союзнического капитала. И затем — Брест, где

Троцкий был самым главным из действующих лиц... И все это не в пользу союзников.

И прекрасно понимая, и учитывая всю эту ненависть союзной буржуазии к вождям российского революционного пролетариата, прекрасно понимая весь этот трагизм, Троцкий усиливает его шуткой:

— Из второго класса был исключен за организацию протеста против учителя французского языка. В этом, может быть, приходится видеть предзнаменование будущих дурных отношений с ближайшими нашими союзниками французами.

Так написал Троцкий в автобиографических заметках, которые я просил у него для настоящей книги¹⁴.

26 октября (7 ноября н. с.) 1919 г. Льву Давидовичу Троцкому исполнится — 40 лет.

— День моего рождения совпадает с датой дня победы Октябрьской революции. Мистикам благодатное поле для размышлений, — шутит Троцкий¹⁵.

Троцкий родился 1879 года, 26 октября. В метрических записях годом рождения указан 1878-й.

— Но я очень твердо помню, — говорил Троцкий, — что был в 1888 году слишком мал для поступления в I-й класс, и в метрических книгах колонии Громоклей был сделан маленький нажим на хронологию, что вполне допускалось патриархальным характером административных учреждений этой колонии. Так что на самом-то деле я родился в 1879 году.

До 9-ти лет Троцкий жил в деревне Яновке Громоклеевской колонии, Елизаветградского уезда Херсонской губ. в небольшом имении своего отца, еврея-колониста. Затем девятилетним мальчиком переехал в Одессу и поступил приходящим учеником в реальное училище.

О своих юношеских годах Троцкий рассказывает:

— Очень интересовался искусством, рисовал цветными карандашами (в тех случаях, когда получал их в свое распоряжение) и считался будущим художником. Но никакого дарования в том направлении в дальнейшем у себя совершенно не обнаружил. В реальном училище к рисованию относился уже скорее как к обузе, хотя вообще был прилежен, более всего увлекался писанием сочинений, весьма мечтал о будущности писателя. Писал, конечно, и стихи. Переводил на украинский язык басни Крыло-

ва. Издавал с второклассниками и третьеклассниками журнал. Все как полагается. Из второго класса был исключен (временно) за протест против швейцарца Бюрнарда, учителя французского языка, великого врага рода человеческого. У этого Бюрнарда на лбу был икс от двух накрест вырезанных полос, по поводу которых у нас ходило много легенд. Помню, что когда обнаружился наш страшный заговор (мы собирались подать прошение попечителю), Бюрnard потрясал кулаками и кричал: «Первый ученик второго класса — нравственный урод»... Он дослужился до действительного статского и, как мне рассказывали, закончил, а может быть, еще и не закончил дни свои в качестве рантье в Швейцарии.

Из 5-го класса Троцкого опять собирались исключить — за новый протест против невнимательного отношения к ученическим сочинениям учителя словесности Гамова. Но опять не исключили, а ограничились 24-х часовым заключением в карцере и тройкой за поведение.

Революционную работу Троцкий начал на 17-м году.

При переходе в 7 класс Троцкий перевелся в г. Николаев, где впервые стал входить в радикальную среду молодежи и в сферу революционных идей.

В первый период Троцкий считал себя скорее противником марксизма, чем марксистом. Шел ему тогда 17-й год... После окончания реального училища и попытки поступить вольнослушателем на математический факультет он завел связи с николаевскими рабочими, главным образом — с сектантами рационалистического толка. Среди них руководящую роль играл Иван Андреевич Мухин, который и сейчас, несмотря на свой уже немолодой возраст, является испытанным революционным борцом большевиков.

— Я удивляюсь, — говорит Троцкий, — с какой легкостью нам, небольшому кружку юношей, удалось войти в доверие николаевских рабочих — среды довольно культурной, идейной, затронутой разными видами сектантства в старшем поколении и атеизмом — в младшем. Об организации «южнорусского рабочего союза» я рассказал в небольшой брошюре, которая была издана за границей издательством «Рабочее дело». Николаевская организация заключала в себе в 1897 году 250 рабочих, что по тому времени было весьма много. Николаевским рабочим я был известен под именем Львова. Мы вели кружковые занятия, устраивали

небольшие массовки в лесках, издавали прокламации, газеты. Политическое невежество мое было весьма глубокое.

В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал. Даже с «Коммунистическим манифестом» познакомился впервые, читая и разъясняя его в кружке...

Одновременно организация такого же типа наладилась в Одессе.

Троцкому приходилось очень часто переезжать из Николаева в Одессу и обратно. Ночь он проводил на пароходе, а днем в одном из этих городов разыскивал революционную литературу и вел агитацию среди рабочих. Когда движение приняло широкие размеры и в «южнорусском союзе» насчитывалось 250 членов, плативших членские взносы, организацией этой заинтересовались жандармы... В организации оказались: профессиональный провокатор Шренцель и предатель, ставший потом провокатором, — Нестеренко.

— Ареста мы ждали со дня на день, — рассказывает Троцкий. — Так как в Николаеве всех нас называли по именам, то мы считали «неудобным» уклоняться от ареста, ежели он обрушится на организацию. 28-го января 1898 г. я был арестован в имении какого-то помещика, где по пути из деревни отца остановился у Франца Францевича Швиговского, который служил у помещика садовником.

Вокруг этого Швиговского и группировалась вся николаевская молодежь с еще неоформившимися идеальными стремлениями.

Троцкий стая марксистом в тюрьме.

— Решающее влияние на меня оказали два этюда Антонио Лабриола¹⁶ о материалистическом понимании истории. Только после этой книги я перешел к Бельтову и к «Капиталу».

Троцкого продержали в николаевской тюрьме недолго. Вскоре он был переведен в херсонскую тюрьму, где пробыл три месяца. За херсонской тюрьмой последовала одесская. В этой тюрьме Троцкий просидел около двух лет, потом, после приговора о высылке в Восточную Сибирь, провел около пяти месяцев в Москве — в пересыльной тюрьме, около трех месяцев — в иркутской и александровской пересыльных тюрьмах. Всего на этот раз Троцкий провел в заключении около двух с половиной лет.

— Во время первой ссылки, — говорит Троцкий, — я вышел, так сказать, на литературную дорогу. Начал с корреспонденций, затем перешел к статьям в иркутской газете «Восточное обозре-

ние». Тогда стал подписываться Антид Ото — псевдоним, которым я довольно долго пользовался и позже в легальной русской печати.

В ссылке (в селе Усть-Кут, Иркутской губ.) Троцкий пробыл около двух лет (из четырех) и с началом революционного движения в 1902 году (в половине августа) бежал через Иркутск, сделав себе фальшивый паспорт на имя Троцкого, откуда и происходит псевдоним, ставший впоследствии его фактическим именем (по отцу у Льва Давидовича фамилия Бронштейн).

— Я сам вписал это имя в имеющийся у меня паспортный бланк, — рассказывает Троцкий. — Я назвал себя по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы...

В Иркутске Троцкий завязал связь с сибирским социал-демократическим союзом, для которого писал прокламации. Потом проехал в Самару, где завязал сношения с тамошней центральной группой «Искра», которая в тот период собирала расстроенные и разрозненные ряды социал-демократии.

По поручению самарской группы (куда входили супруги Крыжановские, Ленгник¹⁷ и др.). Троцкий совершил поездку в Харьков, Полтаву, Киев — для связи с тамошними «искровцами» и редакцией «Южного рабочего», находившейся в Полтаве.

Отсюда Троцкий нелегально перешел границу в Австрии. В Вене он тогда впервые познакомился с Виктором Адлером и его сыном Фрицем¹⁸, героическим интернационалистом во время минувшей империалистической бойни 1914–1918 годов.

Немного позднее Троцкий через Цюрих и Париж проехал в Лондон, где была тогда редакция «Искры», в которую входили: Ленин, Мартов, Потресов. А в самой газете работали жавшие в то время в Швейцарии старые вожди социал-демократии — Г. В. Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич...

— Дела давно минувших дней... — с грустной улыбкой говорит Троцкий, вспоминая этот период своей жизни.

Троцкий жил за границей до февраля 1905 года. До того времени, оставаясь за границей, в составе работников «Искры», объезжал европейские города, где имелись русские студенческие и рабочие колонии, читал рефераты и проч. Летом 1903 года Троцкий вместе с доктором Мандельбергом¹⁹ в качестве представителей от сибирского с.-д. союза принимали участие в работах второго съезда с.-д. партии, на котором произошел известный раскол на большинство и меньшинство («большевики» и «меньшевики»).

Тогда Троцкий примкнул к оппозиции, из которой впоследствии развился так называемый «меньшевизм». Вскоре Троцкий издал тогда брошюру (в Женеве) «Наши политические задачи». Но как только меньшевизм стал определяться в смысле тактического течения, которое стояло за необходимость координации (согласования) действий пролетариата с политикой буржуазии в эпоху наших «буржуазных» революций, Троцкий порвал с меньшевиками и некоторое время стоял вне обеих фракций.

Исходя из известного положения Плеханова о том, что русское революционное движение победит, как рабочее, или не победит вовсе. Троцкий в 1904 году, на основании опыта бурных стачечных движений 1903 года, пришел к выводу, что царизм будет низвергнут всеобщей стачкой. На основе этой стачки развернутся открытые революционные выступления, которые, развиваясь и расширяясь, внесут разложение в армию и лучшие части ее толкнут на сторону восставших масс. В развитие этих положений Троцким тогда была написана брошюра²⁰. Брошюра была сдана заграничному издательству меньшевиков, которое тогда тактически еще не определилось и в среде которого шла внутренняя борьба. Мартов, например, тогда отстаивал позицию — «класс против класса» (его программная статья в № 1 «Социал-демократа», популярного издания), а В. И. Засулич и другие отстаивали политику соглашения с либералами и поддержки буржуазии. Мартов вскоре сдал позицию и с небольшими примечаниями стал проводить политику Дана. А Дан, в свою очередь, лишь плутовато прикрывал Веру Засулич обрывками марксистской фразеологии.

Меньшевики всячески затягивали печатание брошюры Троцкого. А когда разразилось 9-е января в Петербурге, довольно ярко подчеркнувшее значение всеобщей стачки, — они объявили брошюру устаревшей...

Однако с брошюрой познакомился тогда т. Парвус, который в то время занимал вполне интернационально-революционную позицию. Парвус сделал тот вывод, что из революции, основной двигательной силой которой является рабочий класс, а решающим методом — всеобщая стачка и восстание, — из такой революции вытекает переход власти к рабочим, в случае, если революция выйдет победительницей. В этом смысле Парвусом и было написано предисловие к этой брошюре Троцкого, и вместе с Троцким он

настоял на ее появлении. Брошюра вышла и называлась «До 9-го января».

В послесловии к этой брошюре Троцкий разбирал ход и смысл событий 9-го января. Весной и летом 1905 года (уже в России) в ряде докладов и статей (наприм [ер], предисловие к речи Лас-саля) Троцкий развивал точку зрения перманентной революции. Сущность этой точки зрения состояла в том, что рабочий класс России, овладев в результате всеобщей стачки и восстания властью, не сможет ограничить себя рамками демократической (буржуазно-демократической) революции. Он неизбежно перейдет к социалистическим преобразованиям, которые смогут привести к полной победе социалистического строя лишь при условии развития европейской революции. Отсюда тактический вывод Троцкого: не задерживаться ни на одном из этапов революции, непрерывно углублять ее социалистическое русло и выводить ее, во что бы то ни стало, за национальные рамки. Эту точку зрения Троцкий развивал в дальнейшем в статье ежедневной петербургской газеты «Начало» (ноябрь 1905), затем в 1906 году (в тюрьме) в предисловии к русскому изданию «Гражданской войны» К. Маркса, в статье «Итоги и перспективы», в книге «Наша революция» (издание Глаголева, 1907), «Каутский о русской революции», в брошюре «В защиту партии» (1907 г.) и т. д. Впоследствии (за границей) Троцкий развивал ту же точку зрения в целом ряде статей и проверял ее на текущих событиях русской жизни в эпоху контрреволюции (1905–17 гг.). Статьи эти печатались в теоретическом еженедельнике германской социал-демократии «Нойе-Цайт», в теоретическом ежемесячнике польской социал-демократии «Социал-демократическое обозрение» (издававшимся под наблюдением и руководством Розы Люксембург), в ежемесячнике австро-немецкой социал-демократии «Д-р Кампф» и в других изданиях. В 1909 году Троцкий выпустил на немецком языке книгу: «Russland in der Revolution»²¹ (Россия и революция), представлявшую значительно дополненную переработку для немецких рабочих его русской книги, посвященной революции 1905 г.

В 1915–16 гг., когда война ускорила подготовку второй русской революции, Троцкий в ряде статей «Нашего слова» старался доказать, что истекшее десятилетие окончательно и бесповоротно потопило всякие надежды на так называемую национально-демократическую революцию и что победоносную русскую революцию

может закончить только диктатура пролетариата. Диктатура пролетариата с международной социалистической программой действий. В начале 1917 года, когда в России у власти оказались Гучков, Милюков и Керенский, Троцкий в ряде статей нью-йоркской газеты «Новый мир» развивал точку зрения «перманентной революции» и диктатуры пролетариата.

После 9-го января, с началом классового движения в России, Троцкий через Австрию приехал нелегально в Киев, потом — в Петербург. И там, и здесь Троцкий работал главным образом литературно: поставлял для нелегальной типографии Центрального комитета РСДРП большинство выпускаемых последним прокламаций, листовок и проч.

В отношении к проблемам русской революции Троцкий занимал позицию, которую считает правильной и в настоящее время. Он признает, что соотношение классовых сил в русском обществе должно в условиях революционной эпохи привести к политическому режиму пролетариата. Этот режим рабочего класса, опирающегося на трудящиеся крестьянские массы, никак не может ограничиться рамками буржуазной революции. Пролетариат эти рамки должен непременно разрушать и, в зависимости от развития революционных событий на Западе, это положение может развернуться в законченную социальную революцию.

Сентябрьская и Октябрьская революция 1905 г. застала Троцкого в Петербурге. Тогда он состоял членом Петербургского совета рабочих депутатов. После ареста Хрусталева-Носаря Троцкий был избран председателем этого Совета²².

В этот период Троцкий был очень тесно связан с Парвусом — человеком больших знаний и выдающегося политического и литературного дарования. Парвус отстаивал тогда в «Интернационале» в рамках русской политической борьбы чисто революционную классовую точку зрения. Непримируемо обличал оппортунизм, и прежде всего оппортунизм правого крыла германской социал-демократии. Вместе с Парвусом Троцкий издавал популярную «Русскую газету», которая достигла весьма значительного тиража к моменту разгрома Советов и всей русской революции в декабре 1905 г. Кроме того, с тем же Парвусом Троцкий определял направление большой ежедневной газеты «Начало», в которой оба они работали вместе с другими товарищами, среди которых был и Л. Мартов.

3 декабря 1905 г. в Петербурге в здании Вольно-экономического общества был арестован весь Петербургский Совет. Это было начало эпохи самой кровавой, самой разнузданной контрреволюции. Был арестован и Троцкий, который в Совете и на рабочих собраниях выступал под именем Яновского. Жандармы, конечно, без труда установили его личность.

Длившийся около месяца судебный процесс Петербургского совета рабочих депутатов, как по размаху обвинения, так и по количеству и разнообразию вовлеченных в него лиц в качестве обвиняемых и свидетелей, — несомненно, был одним из самых выдающихся политических процессов. Все главные обвиняемые по этому делу, в том числе и Троцкий, были приговорены Петербургской судебной палатой (19 октября 1906 г.) к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение. Для Троцкого местом ссылки был назначен Обдорск, Тобольской губ.

Однако до места ссылки Троцкий не доехал, сказавшись больным. Он задумал побег, который и удался. Дело было в Березове той же Тобольской губ.

Сам Троцкий рассказывает об этом эпизоде следующее:

— Известный эсер доктор Фейт, с которым мы вместе направлялись в ссылку, так же как и с Авксентьевым²³ (последний тогда недурно читал диалог «дамы просто приятной» и «дамы приятной во всех отношениях», и никто тогда не подозревал в нем тех государственных дарований, которые он развернул впоследствии), — вот этот доктор Фейт и посоветовал мне перечислить березовскому врачу все симптомы жестокого ишиаса — болезни, которую нельзя объективно установить и проверить. Я остался, и мне удалось бежать всего только после пятидневного пребывания в березовской больнице. Этот побег на оленях по девственной снежной пустыне в глухую зиму (20 февраля 1907) из Березова на Урал остался одним из самых лучших воспоминаний в моей жизни...

Побег из Березова Троцкий описал в своей блестящей брошюре «Туда и обратно», переведенной впоследствии на немецкий и, кажется, на другие языки. К сожалению, этой книги у меня под руками нет, да и вообще ее, вероятно, очень трудно достать. Есть лишь перевод статьи Эмиля Людвига об этом побеге с цитатами из книги Троцкого, но, выражаясь мягко, очень слабый перевод. Однако и по нему можно дать хотя бы и в слабой степени те впечатления, которые изложены Троцким в его брошюре о побеге из Берёзова.

VI Побег

... «Когда он подъезжал к маленькому городку Обдорску на Оби, оставив за собой полярный круг, он уже твердо решил бежать из Сибири, не дожидаясь не только окончания пятилетней ссылки, но не желая даже пробыть там и одного года». Так Э. Людвиг говорит о Троцком в начале своей статьи. — Теперь, когда он стоит у власти, в нем как наблюдателе историческая мысль действует интенсивнее, чем тогда в Вене в 1909 году, когда он, ссыльный, описал то время в своей прекрасной книге («Россия и революция»). Эта великолепная работа в наиболее сильных местах содержит пафос будущего, убежденность апостола и юмор стойкого мученика. Может быть, литераторы, вступившие с ним в полемику, и правы, но все, что они говорили, — не глубоко. Разделяет ли он идеи Маркса или нет, мог ли он быть расстрелян или остаться у власти, — все это не важно. Но очень мало найдется людей, которые на Рождестве 1917 г. предвидели, что русскому журналисту, когда он выступал в Брест-Литовске, удастся так долго держать власть «в то время, как два его противника в Германской империи пали. Вся Европа узнала тогда о его искусстве в дебатах, узнала глубину его образования; резкость и яркость его социологии. Он показал себя человеком с сильным характером, отказавшись подписать брест-литовский мир и послав вместо себя на последнее угрожающее заседание другого. Люди, вечно все порицающие, говорили, что он должен был уйти, если бы был последователен. Однако в том, что он остался, было гораздо больше выдержки. Он знал, что немногим было ясно, — это то, что главное заключается не в его идеях, а в проведении их в жизнь. И сознание, что он был проницательнее всех, влило в него уверенность».

...Троцкий не тщеславен, как очень немногие из европейцев. Он сохранил свою власть в чистоте, не позволяя прикасаться к ней ни интервьюерам, ни фотографам, ни репортерам, ни представителям фирм. Он сохранил ту деловитость, за которую даже его противники отдают ему должное. Его выдержанный деловитый характер и то, что он всю свою жизнь посвятил одной идее, — все это видно из его книги, написанной им после бегства из Сибири, «Россия и революция».

В ней не найдешь обыкновенных приемов журналиста, которого неприятельское государство возвело в герои, поработав его. Нет в нем и честолюбия гениального Стенли, который, описывая свои путешествия, хочет показать себя героем. Нет ни капли морализующей помпы буржуазных похорон, как рисуют себе будущее в Англии. Здесь все вылитое в соразмерную форму. Благодаря своему темпераменту, этот выдающийся писатель чередует в своем произведении демонические и ангельские образы и предсказывает ненавистному осмеянному государству лучезарную будущность. В своей книге он избегает выяснить самого себя, свою личность, но в остальном книга его блещет замечательными образами. Пророк и художник, повествователь и боец — неделимы. Собственное «я» уничтожено, только масса, только пролетариат является героем. Но по некоторым данным его творчества его можно узнать. В небольшом приложении, обнимающем всего 40 страниц, вопреки его желанию, Троцкий освещает то, о чем он гордо умалчивает, а именно — обрисовывает его таким, какой он есть, — идеальным насмешником, ритмическим политиком, скептическим фанатиком. Это, так сказать, дневник его бегства из Сибири.

Собственно, в побеге нет ничего особенного.

Незадолго до приезда к месту назначения, будучи в больнице, Троцкий начинает переговоры с одним либералом-купцом, который знал извозчика, вечно полупьяного зырянина, бывшего охотника за соболями, готовом идти на все, что опасно и прибыльно. Если Никифору (так звали зырянина) удастся доставить беглеца до уральских копей к подъездному пути, то в его пользу останутся олени, сани и довольно изрядная по тому времени сумма денег. Но чтобы осуществить это опасное предприятие, требовалось, конечно, достаточно ловкости и мужества.

Никифор — великан, с огненно-рыжими волосами, вечно полупьяный, хитрый проныра, болтливый, с постоянной бранью на устах, всегда опаздывающий, но при этом удивительно ловкий, — везет с нахальной неосторожностью дилетанта приключений. Везет целых восемь дней восемьсот верст по совершенно пустынным снежным степям.

Февраль — месяц самых страшных бурь. Кто попадет в эти метели, тот погиб наверняка.

Первую ночь Никифор спит, сидя в санях. Беглец трясет его; тот что-то бормочет. Олени идут шагом. А спасение зависит всецело

от первых 48 часов, потому что позже начальство будет извещено по телеграфу, и побег не удастся. Проснувшись, Никифор хочет заехать в Чумь, чтобы захватить шубу и «гусей»...

Наутро, после бури, беглец снова полон мужества.

— Луна давно зашла, мороз крепчает. В воздухе чувствуется приближение утра. Я надел поверх моего овчинного полушубка оленью доху и чувствовал себя уютно. Мы неслись по беслесным болотам. Убогие сани еле выглядывали из-под снега. Никифор откинул свою меховую шапку; белая шерсть оленьей шапки смешалась с его рыжими взъерошенными кочьями волос, и казалось, что его голова покрыта инеем. Мы едем мимо юрт, где остяки-охотники за белками сидят у огня и пьют. Их женщины страшны, как смерть, с ребятишками у голых грудей. Они выходят из юрт, отказываются от предложенных конфет и требуют водки. Я дал им чистого 95-градусного спирта. Они выпивают его с искаженными лицами и плюют. Никифор затеял дело: он нанимает одного из остяков, чтобы тот ехал впереди, как будто для того, чтобы олени лучше бежали за санями, но в сущности затем, чтобы задержать его от поездки в Березов, где он мог все разболтать. Но я не боялся. Я знал, что и Никифор сумеет дать начальству ответ. «Ты вез его? — Почем я знаю, кого я вез. Ты полицейский, а я извозчик. Ты получаешь деньги за то, что следишь, а мое дело — везти. Верно? — Правильно, — сказал я».

<...> — Сегодня 19-е число. Завтра открытие Думы. Ее первое выступление... Амнистия... Возможно. Но лучше обождать эту амнистию несколькими градусами южнее...

Одному из оленей пускают кровь. Он болен, хромает. Животное лежало со связанными ногами, не издавая ни единого звука, и печально лизало струящуюся кровь. Беглец велит переменить оленя. Хромого вожака привязывают сзади саней.

— Иногда я не мог поверить мысли, что это я, именно я, а никто другой, затерян здесь, среди снежных равнин. Пара саней, семеро оленей и два человека — все это движется вперед из угождения мне. Два человека, отцы семейств, покинули свой очаг для такого опасного путешествия в угоду третьему, который им совершенно чужд, чуждым и останется. Подобные вещи, может быть, часто и повсеместно происходят, но нигде, наверное, они так сильно не поражают нашу фантазию, как здесь, в тайге, в такой грубой и голой форме.

В одной зырянской хижине хозяин ее, бывший мелкий приказчик, лишившийся места и сделавшийся бродягой, среди запаха дыма и сивухи, выспрашивает мнение Троцкого: будет ли распущена Дума и появится ли издание сочинений Александра Ивановича Герцена. При этом этот просвещенный человек был не кто иной, как варвар, не желавший пошевелить пальцем, чтобы помочь своей жене, которая за всех работала. Всю ночь она не прилегла ни на час, таская дрова в хижину, мяся хлеб и ухаживая за детьми. Варвар объясняет Троцкому, выдававшему себя за купца, что он — социал-демократ, потому что «социал-демократия руководствуется лишь научными основаниями»...

— Я протираю глаза от удивления: кругом далеко забытая всем светом тайга, грязные сани, пьяные вогулы и какой-то бывший деревенский ростовщик объясняет научные основания и положения социализма... Чувство партийной гордости, я должен сознаться, поднялось в моей груди...

Ближе к подъездному пути Никифор пытается проститься. Он едва держится на ногах.

— Смотри, чтобы тебе сивуха не повредила на обратном пути...

— Ничего. Что приятно животу, то хорошо и горбу...

Троцкий продолжает путь с чиновником, посланным собирать пошлину с монопольных винных лавок, выдавая себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. 27 февраля он садится на поезд в Перми.

— Поезд летит мимо тех же станций, где еще недавно так торжественно встречали нас жандармы. В первый момент мне было тесно и душно в узком пространстве. Я вышел на платформу. Было темно и ветрено. Но невольно из моей груди вырвался громкий крик — крик радости свободы. Вперед, всегда вперед!..

2-го марта Троцкий прибыл в Петербург, где товарищи ожидали его меньше всего.

VII

За границей

Около трех месяцев после побега Троцкий провел в Финляндии. Там он и выпустил книжку о своем побеге. Затем через Швецию проехал в Англию на Лондонский съезд с.-д. партии. Это было летом 1907 г. На этом съезде Троцкий не примыкал ни к боль-

шевикам, ни к меньшевикам, расходись и с теми, и с другими по некоторым основным вопросам русской революции.

Впоследствии Троцкий поселился в Австрии, в Вене; часто уезжал в Берлин, находясь в постоянных сношениях с левым крылом германской социал-демократии. Кроме того, Троцкий довольно часто выступал с рефератами и в других западно-европейских городах, находя таким образом возможность поддерживать тесную связь как с русскими товарищами, так и с западно-европейскими социалистами. В 1908 году Троцкий, вместе с А. Иоффе и другими товарищами, издавал в Вене популярную газету «Правда», которая нелегально привозилась и распространялась в России. Во время Балканской войны отправился в качестве корреспондента в Сербию и Болгарию, а затем (во время Бухарестской мирной конференции) в Румынию. Благодаря этому, Троцкий близко познакомился с социалистическими партиями Балканских стран.

Приближение мировой войны застигло Троцкого в Австрии. 3-го августа он был вынужден в трехчасовой срок уехать с семьей, чтобы не быть арестованным. Пришлось бросить на произвол судьбы все свои книги и рукописи.

Из Вены Троцкий приехал в Цюрих, где живет несколько месяцев. Скоро здесь выходит его книга (на немецком языке) «Война и Интернационал». Эта книга нелегально была привезена в Германию и дала там повод к целому ряду арестов и к процессу, в результате которого Троцкий был заочно приговорен к нескольким месяцам тюрьмы. Затем Троцкий едет во Францию — в качестве корреспондента «Киевской мысли». Здесь он прожил почти два года. В это время он поддерживал теснейшую связь с левым крылом французских социалистов и синдикалистов. А в августе 1915 года вместе с французскими левыми социалистами выезжал в Циммервальд на столь известную «Циммервальдскую конференцию».

В Париже Троцкий совместно с рядом своих друзей издавал на русском языке газету «Наше слово» — преимущественно для эмиграции.

Газета все время вела непримиримую борьбу против шовинизма и оппортунистического направления рабочего движения, а поэтому подвергалась жесточайшим преследованиям со стороны французской военной цензуры. Трижды закрывалась и выходила под новым названием.

«Наше слово» не была партийной газетой большевиков. На страницах ее по некоторым важным вопросам велась даже полемика с официальным изданием большевистской партии — газетой «Социал-демократ». Но основная линия была одна и та же. Хорошим доказательством этому может служить то, что вся редакция и все сотрудники «Нашего слова» (за единственным, пожалуй, исключением т. Лозовского²⁴) выполняли и выполняют ответственную работу в рядах Коммунистической партии. Из членов редакции и ближайших сотрудников «Нашего слова» хорошо известны следующие имена: Урицкий, Антонов (Овсеенко), Мануильский, Владимиров, Раковский, Балабанова, Чичерин, Чудновский, Луначарский, Рязанов, Павлович, М. Н. Покровский, Полянский²⁵. А из иностранцев: Лорио, Розмер, Монат, Гильбо, Мергейм, Ротштейн, Ролланд, Гольст²⁶ и др.

В конце сентября 1916 г., после упорного преследования со стороны агентов французской полиции, Троцкий, в сопровождении двух полицейских инспекторов, был вывезен из Франции в Испанию. По этому поводу Парижский комитет Циммервальдцев опубликовал открытое письмо Троцкого к бывшему министру Жюль-Геду.

После 10-дневного пребывания в Испании Троцкий был арестован по доносу французской полиции как вредный агитатор и заключен в тюрьму. Через некоторое время, под конвоем полицейских агентов Троцкий был препровожден в Кадикс и здесь около двух месяцев находился под надзором полиции. А затем был приговорен к высылке из Испании в одну из Американских республик, так как ни Англия, ни Италия, ни Швейцария не хотела оказывать гостеприимство русскому политическому эмигранту, интернационалисту, изгнанному из Франции.

В конце декабря Троцкий с семьей на пароходе выехал из Барселоны и в начале января прибыл в Нью-Йорк. Здесь Троцкий начал принимать участие в работах социалистической партии, главным образом в ее русском и немецком отделах, вел борьбу против вмешательства Соединенных Штатов в войну, сотрудничал в американской прессе.

Весть о революции в России оборвала эту деятельность. С первым отходившим пароходом норвежского общества Троцкий вместе с семьей выехал в Европу.

Однако в Канадском порту Галифаксе, где английскими властями ревизуются все пароходы, Троцкий с пятью другими товари-

щами был задержан. Его интернировали в Канадский лагерь для военнопленных как агитатора, «опасного для дела союзников». В этом лагере Троцкий провел около месяца в обществе немецких рабочих и матросов. Освобожден был Троцкий по настоятельному требованию Петербургского совета солдатских и рабочих депутатов, переданному Милюковым, который был тогда министром иностранных дел в составе Временного правительства.

VIII

Снова в России

Приехав в Россию, Троцкий вступил в организацию «Объединенных социал-демократов-интернационалистов», чтобы содействовать скорейшему и полному слиянию ее с партией большевиков, так как к этому времени все разногласия окончательно стерлись и совместная работа являлась необходимой и обязательной.

После событий 3–5 июля Троцкий был арестован правительством Керенского по обвинению в государственной измене. Троцкий был тогда заключен в «Крестах», где провел около двух месяцев. Это было последнее его заключение.

Через несколько месяцев пролетариат, за интересы которого Троцкий боролся всю жизнь, победил...

IX

Октябрьские дни

Несмотря на то, что буржуазные газеты травили большевиков изо дня в день, измышляя всякую клевету, на которую только способен развращенный буржуазный мозг; несмотря на то, что Переверзев²⁷ и Алексинский совместно с шпионом Ермоленко²⁸ фабриковали подложные документы, выставив в них вождей большевистского движения как агентов германского военного штаба; несмотря на то, что Горький, Базаров и прочая интеллигентская компания пророчили большевикам скорую и безвозвратную гибель; несмотря на то, что Керенский подтянул к Петербургу с фронта части войск, — несмотря на все это, все, кто умел видеть и понимать, видели и понимали, что коалиционное правительство Керенского доживает последние дни.

Некоторые части войск, как напр. два батальона самокатчиков, вызванных с фронта для подавления ожидаемого «большевистского бунта», прислали Петербургскому Совету (тогда уже большевистскому) телеграмму с пути:

— Нас ведут в Петроград, не знаем, зачем, просим разъяснений.

Военно-революционный Комитет при Совете предписал им остановиться и выслать делегацию в Петербург. Делегация прибыла. Выслушав и поняв, в чем дело, делегаты заявили:

— Самокатчики на стороне революционного пролетариата. Военно-революционный комитет может располагать вами, как хочет. Мы в его распоряжении.

Это заявление было встречено восторженно. Самокатчикам было предписано немедленно вступить в город.

Председателем Военно-революционного комитета был Троцкий.

В небольшой угловой комнате в Смольном, на третьем этаже, непрерывно заседал Военно-революционный комитет. Члены его в течение целой недели находились тут безвыходно. Спали урывками тут же, на диванах. Каждую минуту приходили сюда с донесениями курьеры, разведчики, самокатчики, телеграфисты. Непрерывно звонил телефон.

Всю ночь на 25 октября Троцкий бесменно провел у аппарата, руководя отрядами революционных войск, матросов, рабочей гвардии. Обыватель мирно спал, не зная, что в эту ночь одна власть сменяется другой.

Временное правительство продолжало заседать в Зимнем дворце, в то время как он в течение дня 25 октября постепенно оцеплялся революционными войсками. А в час дня 25 октября Троцкий на заседании Петроградского Совета сказал:

— От имени Военно-революционного комитета заявляю, что правительства Керенского больше не существует. Впредь до решения Всероссийского Съезда Советов власть переходит в руки Военно-революционного комитета.

В этот день вечером в Смольный конспиративно прибыл Ленин. Он уже давно прибыл из Финляндии, где скрывался от агентов правительства Керенского. Последние дни он жил на петербургских окраинах в рабочих квартирах.

Вечером 26 октября происходило решающее заседание Всероссийского Съезда Советов. Ленин внес два декрета о мире и о земле. Оба были приняты после коротких прений. На этом же заседании

была создана и утверждена новая, рабочая власть — Совет народных комиссаров.

Петербург превратился в вооруженный лагерь. Ночью вокруг небольших костров дежурили на улицах вооруженные красноармейцы. Ни один автомобиль не мог прорваться по улице без пропуска из Смольного.

На Петербург шел Керенский с казаками, которыми командовал Краснов. Тот самый Краснов, который впоследствии объявил себя донским атаманом и расстрелял не одну тысячу крестьян и рабочих... Это был ближайший помощник и защитник Керенского.

Ночь 30-го октября. Холодная ночь. От Петербурга по направлению к позициям несется автомобиль. В нем — Троцкий и Муравьев²⁹, — тот самый, который впоследствии так трагически окончил свою жизнь. Автомобиль обгоняет обозы с провиантом, фуражом, боевыми припасами, артиллерией. Все это в такой короткий срок организовали рабочие Петербурга. Заставы из красногвардейцев то и дело останавливают автомобиль для проверки пропуска. Дисциплина железная, бдительность острая. Наступил самый решительный, самый ответственный момент. Это понимали и рабочие, и воинские части.

На следующий день между Красным Селом и Царским Селом произошло решающее сражение казаков Керенского с революционными войсками. После жестокого артиллерийского боя казаки отступили. В руки Советских войск попала радиостанция Красного Села. Троцкий воспользовался этим и дал радиотелеграмму:

«Село Пулково. Штаб. 2 часа 10 мин. пополудни.

Ночь с 30-го на 31-е октября войдет в историю. Попытка Керенского двинуть контрреволюционные войска на столицу революции получила решающий отпор. Керенский отступает, мы наступаем. Солдаты, матросы и рабочие Петрограда показали, что умеют и хотят с оружием в руках утвердить волю и власть рабочей демократии. Буржуазия стремилась изолировать армию революции. Керенский пытался сломить ее силой казачества. И то, и другое потерпело жалкое крушение.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократки сплотила ряды армии и закалила ее волю. Вся страна отныне убедится, что Советская власть — не переходящее явление, а несокрушимый факт господства рабочих, солдат и крестьян. Отпор Керенскому есть отпор помещикам, буржуазии, корниловцам.

Отпор Керенскому есть утверждение права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлеб и власть. Пулковский отряд своим доблестным ударом закрепляет дело рабочей и крестьянской революции. Возврата к прошлому нет. Впереди будет борьба, препятствия и жертвы. Но путь открыт и победа обеспечена.

Революционная Россия и Советская власть вправе гордиться своим Пулковским отрядом, действующим под командой полковника Вальдена³⁰. Вечная память павшим! Слава борцам революции, солдатам и верным народу офицерам!

Да здравствует революционная, народная, социалистическая Россия!

Именем Совета Народных Комиссаров Л. Троцкий».

Краснов был разбит и пойман. И неосмотрительно освобожден под «честное слово» по настоянию левых эсеров... Знали ли они тогда — какое огромное преступление перед рабочими и крестьянами России взваливали они тогда себе на плечи?!

Керенский бежал, как мелкий мошенник, переодевшись в платье своего врага. В матросское платье.

Первая контрреволюционная вспышка была потушена. Кончилась одна эпоха. Началась другая.

Х

Брест-Литовск

В ночь на 31-е октября был разбит Керенский, а 7-го ноября Троцкий в качестве комиссара по иностранным делам обратился по радио к врагам и союзникам с предложением начать переговоры о всеобщем мире. В ответ на это от союзников, ответивших не Советскому правительству, а генералу Духонину³¹, посыпались угрозы.

— Дальнейшие шаги по ведению сепаратных переговоров о мире поведут за собою тягчайшие (для России) последствия.

Однако это никого не испугало. 11-го ноября Советское правительство обратилось с воззванием ко всем солдатам, рабочим и крестьянам. Советское правительство заявляло, что оно ни в коем случае не допустит, чтобы российская армия, армия русских рабочих и крестьян проливала свою кровь из-под палки иностранной буржуазии. Советское правительство решительно отметало угрозы западных империалистов, вчерашних наших союзников, и при-

нимало на себя всю ответственность за свою мирную политику перед лицом рабочего класса всего мира.

22-го ноября было подписано соглашение о приостановке военных действий на всем фронте от Балтийского до Черного моря. А 9-го декабря в Брест-Литовске открылись мирные переговоры. И, может быть, впервые тогда русский народ почувствовал, по Троцкому, что у него надежные вожди... Во время брестских переговоров Троцкий вырос в колоссальную фигуру. Его слова волновали весь мир. К его заявлениям прислушивались с одинаковым напряженным вниманием и друзья, и враги. В Бресте Троцкий превзошел самого себя.

14-го февраля 1918 г. в заседании Всероссийского Центрального исполнительного комитета Троцкий делал доклад о Брест-Литовских переговорах.

— Товарищи! — говорил он. — Советской России приходится не только строить новое, но и подводить итоги старого до известной степени, — и притом до очень высокой, — расплачиваться по старым счетам, прежде всего по счетам войны, которая длилась три с половиною года. Война являлась испытанием экономического могущества воюющих стран. Для России, как страны более бедной, более отсталой, участь при затяжной войне была предрешена. В могущественном столкновении военных аппаратов в последнем счете решала способность страны приспособить свою промышленность к военным потребностям, перестроить ее в кратчайший срок и в возрастающем количестве воспроизводить орудия истребления, которые изнашивались с такой быстротой в течение этой бойни народов. Каждая, или почти каждая, страна, в том числе и очень отсталая, могла в начале войны иметь могущественные орудия истребления, то есть могла получить их на внешнем рынке. Так и делали все отсталые страны, так поступала и Россия. Но война быстро изнашивает свой мертвый капитал и требует его постоянного воспроизведения. Военное могущество каждой отдельной страны, вовлеченной в круговорот мировой бойни, измерялось на деле ее способностью самостоятельно воспроизводить во время самой войны пушки и снаряды и другие орудия истребления.

Если бы война разрешила проблему соотношения сил в кратчайший срок, то и для России оставалась бы теоретическая возможность оказаться по ту сторону траншей, где оказалась бы победа. Но война затянулась надолго, и затянулась не случайно. Уже одно

то, что вся международная политика за последнее полувековье сводилась к построению так называемого европейского “равновесия”, то есть к тому, чтобы враждебные силы приблизительно уравнивались, — должно было, при могуществе и богатстве современных буржуазных наций, придать войне крайне затяжной характер. Это в первую очередь обозначало истощение более слабых, менее развитых в экономическом отношении стран.

Самой могущественной во всяком отношении оказалась Германия, благодаря могуществу своей индустрии (промышленности), благодаря современному, новому, рациональному строю этой индустрии при архаическом строе государства.

...Когда история поставила перед Русской революцией вопрос о мирных переговорах, для нас было несомненно, что в этих переговорах, доколе в них не вмешивалась решающая сила мирового революционного пролетариата, — мы должны будем расплачиваться по счетам трех с половиной летней войны. Для нас было несомненно, что в лице германского империализма мы имеем противника, который пропитан сознанием своей колоссальной силы, столь ярко обнаружившейся во время настоящей войны.

Все те соображения, развеваемые буржуазными кланами, будто мы были бы несравненно сильнее, если бы вели эти переговоры совместно с нашими союзниками, — являются в корне несостоятельными. Для того, чтобы в неопределенном будущем вести наши переговоры совместно с союзниками, мы должны были бы, прежде всего, продолжать войну совместно с союзниками, а если наша страна истощена и ослаблена, то именно продолжение войны, а не ее прекращение еще более ослабило бы и истощило страну. Нам пришлось бы подводить итоги войны в условиях еще менее благоприятных для нас. Если бы оказалось, что тот лагерь, в состав которого Россия введена международными комбинациями царизма и буржуазии, лагерь, во главе которого стоит Великобритания, — если бы оказалось, что этот лагерь вышел из войны вполне победоносным, это вовсе не означало бы, что наша страна вышла бы победоносной. Ибо при дальнейшей затяжной войне Россия внутри победоносного лагеря оказалась бы еще более истощена и разорена, чем сейчас. Хозяева этого лагеря, которые сосредоточили в своих руках плоды победы, то есть Англия и Америка, обнаружили бы по отношению к нашей стране те самые приемы, которые обнаружила в мирных приговорах Германия.

Было бы нелепым и жалким ребячеством исходить в оценке политики империалистических стран из других соображений, кроме соображений голого интереса и материальной силы.

...Вы вомните, товарищи, при каких условиях ваша делегация выезжала в Брест-Литовск в последний раз непосредственно с одного из заседаний 3-го Съезда Советов. Тогда мы докладывали вам о состоянии переговоров и требованиях противной стороны. Эти требования, как вы помните, сводились к замаскированным, вернее полузамаскированным, аннексионистским вождедениям на Литву, Курляндию, часть Лифляндии, Моонзундские острова и к полузамаскированной контрибуции, которую мы тогда исчисляли в 6–8, даже в 10 миллиардов рублей. Во время перерыва, который длился около 10 дней, в Австро-Венгрии разыгралось крупное брожение, вспыхнули стачки рабочих масс, и эти стачки были тем первым признанием нашего метода вести мирные переговоры, которые мы встретили со стороны пролетариата центральных империй перед лицом аннексионистских требований германского милитаризма. Каким жалким являются утверждения буржуазной печати, когда она говорит, что нам необходимо было два месяца разговаривать с Кюльманом, чтобы узнать, что германский империализм предъявит грабительские условия. Нет, это мы знали заранее. Но из “разговоров” с представителями германского империализма мы старались сделать средство для увеличения тех сил, которые борются с германским милитаризмом. Мы здесь не обещали никаких чудес, но мы утверждали, что тот путь, по которому мы идем, есть единственный путь, который останется у революционной демократии для того, чтобы обеспечить за собою возможность дальнейшего своего развития.

...Ни на какие уступки, само собою разумеется, Гофман не шел. Тогда настал час решения. Объявить войну мы не могли, мы оказались слишком слабы. Армия утратила внутреннюю связь. Нам, для спасения нашей страны, для преодоления развала, необходимо восстановить внутреннюю связь трудовых масс. Эта психологическая связь может воссоздаться только путем творческой работы на пашне, на заводе, в мастерской. Нам необходимо трудовые массы, которые были подвергнуты колоссальным страданиям, катастрофическим испытаниям в войне, вернуть на пашню, на завод, где они должны будут снова найти себя и упрочиться в труде, и воссоздать внутреннюю дисциплину. И есть единственный путь

спасения для страны, которая расплачивается сейчас за грехи царизма. Мир, который вы нам навязываете, есть мир войны, и мы выводим армию из бойни. Мы не можем допустить, чтобы вы, господа немецкие дипломаты, могли сказать немецким рабочим: «Вы называли наши требования захватными, аннексионистскими, но смотрите — под этими требованиями мы привезли вам подпись русской революции». Да, мы слабы, мы не можем сейчас воевать, но у нас есть достаточно революционной силы, чтобы сказать, что мы не поставим добровольно нашей подписи под тем договором, который вы пишите вашим мечом на теле живых народов. Мы отказались поставить наши подписи, и я думаю, что мы правильно поступили, товарищи»...

Представители русского трудового народа — Всероссийский центральный исполнительный комитет — нашел, что его делегация поступила правильно, не подписав грабительских мирных условий. Когда Троцкий сказал последнюю, приведенную здесь фразу, раздались дружные единодушные аплодисменты.

Троцкий закончил свою речь следующими словами:

— Товарищи, я не хочу сказать, что наступление против нас со стороны Германии исключено. Такое заявление было бы слишком рискованно, если иметь в виду могущество германской империалистической партии. Но я думаю, что позиция, которую мы заняли в этом вопросе, в очень большой степени затруднила германскому милитаризму наступление. Что было бы, если бы он все же наступал? На это мы можем сказать только одно: если в нашей стране, истощенной, доведенной до отчаянного состояния, если в нашей стране можно поднять дух наиболее жизнеспособных революционных элементов, если возможна у нас борьба за защиту нашей революции и территории этой революции, то только в результате того положения, которое создалось сейчас, в результате нашего выхода из войны и нашего отказа подписать мирный договор.

Теперь мы видим — как прав был тогда Троцкий. Но тогда-то, тогда — все ли из нас были согласны с его оригинальной, в высшей степени «не дипломатической» формулой «Войны не вести, мира не подписывать»?!

Время оправдало ожидания Троцкого. Немецкие дипломаты, точные, как часы, поставленные им почти в ужасное положение, в каком они еще никогда, конечно, не бывали за все время своей

блестящей дипломатической деятельности, — остались в положении людей, которым собрали хороший обед, а дали только легкую, растрavляющую аппетит закуску. И они уехали из Бреста еще более голодными, чем сюда приехали. Голодные и слегка обиженные хотя и вполне дипломатическими, но слишком уж острыми шутками собеседника...

Где они теперь? Вспоминают ли они Брест, читая в газетах о непрерывной блестящей революционной деятельности Троцкого? Думают ли они, что им еще раз придется разговаривать с Троцким, но только в другой обстановке?!

XI

Во главе вооруженных сил революции

— Я отказался от дальнейшего дежурства потому, что дежурил без смены больше положенного времени. Мне нужна смена.

— Позвольте, товарищ: мы находимся на фронте, в боевой обстановке; я и многие другие товарищи работают без смены. Я, например, не спал ни одной минуты в течение целых двух суток.

— Разве я могу с вами равняться?.. На вашу работу, тов. Троцкий, смотрит весь мир, а кто будет знать, что какой-то пулеметчик простоял без смены лишних три или четыре часа...

— Идите к начальнику поезда и скажите ему, что я приказал вас арестовать на одну неделю.

Троцкий дисциплинирован, как никто. И эта самодисциплина далась ему, конечно, не даром. Но раз преодолев и увидев ее огромное, неизмеримое значение, он вводит эту дисциплину в революционные ряды железной рукой. Не будь этой дисциплины, революция погибла бы. Русский пролетариат потому и победил, что сумел достигнуть в короткий срок вершин организации. И эту организацию притом сумел сделать возможно активной, деятельной, творческой, возможно дисциплинированной.

Троцкий — враг всякой психологической расхлестнутости, распоясанности, морального разгильдяйства. Троцкий — организатор, постигнувший ту простую истину, что всякая организация прочна и жизнеспособна постольку, поскольку в ней существует внутренняя дисциплина. Без дисциплины не может существовать ни одна организация. Организация без дисциплины — банда психологических разгильдяев.

«Поезд Троцкого» может служить образцом организации и дисциплинированности. Это целый революционный мирок. Аскетический мирок работников, преданных революции. Тут ничего лишнего, мешающего работе. Осенью 1918 г. Троцкий удалил с поста даже телефонисток. Эти женщины не понимали трагической роли поезда. Они внесли ослабляющую атмосферу флирта, даже хотя бы и легкого, хотя бы и невинного. С тех пор в поезде Троцкого нет ни одной женщины. Не разрешается даже и женам поездного персонала посещать поезд.

— Если административные лица поезда будут брать с собою жен, то почему не могут делать того же и все остальные — матросы, красноармейцы?! А если все возьмут с собою своих жен, во что же тогда превратятся весь поезд?..

Так рассуждает Троцкий. В трагической обстановке революционной борьбы, одной из самых жестоких, какие когда-либо были в мире, — не место мещанскому семейному благополучию. Тут это — дурной стиль.

Назначение Троцкого Комиссаром по военным и морским делам и Председателем Высшего военно-революционного совета является одним из самых удачных актов рабоче-крестьянского правительства. Это — роль Троцкого, это его место по праву и по его способностям. Другой, равной Троцкому силы по организационному таланту революция до сих пор еще не выявила.

Троцкий из хаоса создал прекрасную, что бы там ни говорили, боеспособную армию. Его метод — сделать эту армию дисциплинированной и, главное, сознательной. Армия из рабочих и крестьян обязана знать — за что она воюет. В сознательности армии — ее сила. Троцкий это очень хорошо понимает. Если рабочий или крестьянин поймет, что он защищает самого себя, свои интересы, свою жизнь, — он будет прекрасным, храбрым солдатом. Надо только сделать так, чтобы он понял.

В период хаотического состояния южного фронта при набеге Деникина Троцкий на одном из митингов заявил:

— Мне говорят, что здесь много дезертиров и что вообще здесь — плохая армия. Я вам говорю, что плохой армии здесь нет. Есть плохие комиссары и плохой командный состав. Нужно хороших комиссаров и хороший командный состав, и из этих дезертиров через неделю будут прекрасные солдаты, которые будут сражаться за дело рабочих и крестьян до последней капли крови.

Так просто и — так верно.

Революция сильна своей трагической правдой. Раньше царское правительство должно было напрягать все силы, чтобы как можно хитрее обмануть рабочих и крестьян, чтобы заставить их убивать таких же рабочих и крестьян «враждебной» страны. Тем же обманом действуют и белогвардейские руководители. В самом деле, какой разумный крестьянин добровольно пойдет воевать за то, чтобы отобрать у крестьян, то есть у него самого, землю и вернуть ее помещику? Какой разумный рабочий пойдет воевать за то, чтобы помочь капиталисту и фабриканту накинуть старую петлю на шею таких же рабочих, как и он сам? Только ловкое мошенничество, только ложь и обман может лишить рабочего и крестьянина здравого рассудка, заставив его бороться за интересы своего врага. Революции не надо прибегать ко лжи и обманам. Она сильна своей простой и трагической правдой. И Троцкий очень хорошо понимает это. Он знал заранее — какую помощь принесут армии политические комиссары и агитаторы. Нужно было, чтобы свой человек, рабочий или крестьянин, понявший неизбежность борьбы, пришел к таким же рабочим и крестьянам, как и он сам, и рассказал бы им правдиво и честно, за что борется Советская Россия. Только и всего. И вчерашние дезертиры неожиданно становятся прекрасными солдатами революции и совершают чудеса храбрости.

Троцкий знает силу горячего правдивого слова. Недаром сам он творит этим словом чудеса, превращая в какие-нибудь несколько дней бегущие в панике банды мобилизованных в стойкие революционные полки, которые останавливаются, как по мановению волшебного жезла, идут затем в наступление и гонят врага, как испуганное стадо баранов. Многие мобилизованные части революционизировались только на фронте. Это потому, что только на фронте они услышали первый раз честное и правдивое слово — простое слово о том — за что борется Красная армия.

Троцкий знает, что революция сильна не трескучими фразами, которыми обычно темные дельцы прикрывают ложь и обман, а своей простой и несокрушимой правдой. Разве не правы рабочие и крестьяне, что борются за свое освобождение от гнета фабрикантов и помещиков? И они лучше, чем кто-либо чувствуют эту свою правоту. Поэтому надо было сделать так, чтобы руководил и командовал революционной армией не этот подозрительный

«кто-либо», а сам рабочий и крестьянин. И Троцкий достиг того, что рабоче-крестьянской армией стали командовать не только специалисты, знатоки военного дела, но и сами рабочие и крестьяне... Мало того. Он достиг большего. Он силою своего организаторского таланта сделал так, что специалисты старой царской армии пришли и стали служить армии рабочих и крестьян. Здесь он показал могучую силу своей власти, которою облекли его рабочие и крестьяне Советской России. Он принудительно заставил служить рабочему классу его классовых врагов...

И это, несомненно, было одним из самых правильных приемов революционной власти. Это было проявлением железной дисциплины, которой неизбежно и неизменно должен сопровождаться период диктатуры пролетариата.

XII

Трибун Революции

Блестящий подвижный ум, прекрасная диалектика, пламенный темперамент, поразительная находчивость и остроумие — все это дает полное право назвать Троцкого одним из самых блестящих первоклассных европейских ораторов. Поистине — это трибун революции. Его речи вдохновляют на подвиг. Его насмешки ранят смертельно. Его призывающий голос звучит как тревожный и приказывающий зов набата, который услышав раз, хотя бы и вдали, уже не уснешь спокойно.

Троцкий дал жизнь целому ряду фраз, выражений, отдельных слов. Острые словечки Троцкого, его меткие определения не сходят по целым месяцам с языка более мелких ораторов и со столбцов газет. Даже злобно кликушествовавшая буржуазная печать признавала за Троцким огромный талант трибуна.

— Если он говорит, что буржуазия будет подавлена, то вы чувствуете в его голосе, в его словах, в его согласованных, артистических жестах, что этот человек верит, что все будет именно так, как он говорит. Вы чувствуете гибель этой буржуазии, подавить которую призывает Троцкий. Вы ясно слышите стук молотка, вколачивающего гвозди в гроб. И эта вера, непобедимая убеждающая вера, переходит от него к аудитории. Троцкого слушают от начала до конца. Во время его речи не перешептываются, не смотрят рассеянно по сторонам.

Так приблизительно отзывалась о Троцком московская буржуазная печать, когда он приехал в Москву и выступал на митингах в рабочих районах.

И его характерный жест — левая рука назад, и его любимое вводное словцо — «стало быть», его яркие образы — «если буржуазия скажет, что солнце светит только для нее, — мы потушим солнце» и многое, многое другое, — все это уже стало заученным, как любимый урок, в тех кругах, где часто видят Троцкого.

Он никогда не пишет даже конспекта своих речей. Он всегда говорит экспромтом. Лишь иногда на клочке бумаги запишет цветным карандашом отдельные моменты речи, на которые он в особенности хочет обратить внимание аудитории. Пять-десять фраз. Одна написана красным карандашом, другая синим, следующая опять красным — и так далее.

Начало его речей всегда медлительное, периоды длинные. Это значат, что он еще только загорается. Через три-четыре минуты Троцкий уже пламенеет, горит. Как фейерверк брызжут остроты. Краткие, характерные для таланта Троцкого, точные и яркие фразы одна одной удачнее, одна одной пламеннее, всегда четкие, — слышны во всех уголках аудитории, как бы ни был велик зал. Троцкий «подает» каждое свое слово, каждое выражение. Он не глотает слов, не возвращается назад, потому что никогда не теряет нити своей мысли. Мысль у него дисциплинирована так же, как и весь его характер. Вернее — весь он подчинен своей мысли, своей внутренней логике. Я думаю, нет человека, который был бы так гармонически создан, как создан Троцкий. Полная гармония, полная согласованность моральных и физических качеств. Только этим и можно объяснить его поразительную неутомимость в работе, когда он может не спать по двое суток и более, питаться чем-нибудь и как-нибудь (между прочим, Троцкий почти совсем не ест мяса) и, тем не менее, выглядеть здоровым и бодрым. И даже в тот ужасный момент, когда эсер Савинков, белогвардеец Лебедев и «учредиловец» Фортунатов в нескольких верстах от поезда громили из артиллерии и пулеметов отважных защитников революции, — в тот момент, когда казалось, что гибель является почти неизбежной, Троцкий был в штабе армий и казался самым спокойным и самым деловитым начальником, у которого было только одно непреклонное желание: победить. Победить во что бы тони стало, победить непременно, каково бы ни было соотношение

сил той и другой стороны. И он больше других был или казался уверенным в победе, хотя, конечно, очень хорошо понимал, что главная и самая жестокая опасность поражения угрожает прежде всего ему. Думал ли он тогда о себе? Едва ли. Знал ли он, что в эти минуты решался вопрос о жизни и смерти русской революции? Может быть. Троцкий не будет лицемерить ни вообще, ни перед самим собой. Он знал силу своего влияния, верил в нее и твердо стоял на своем посту. Он сам отдавал многие приказания, сам ободрял бойцов.

— Надо победить. Так повелевает революция.

И он был деловит, как всегда, и как всегда спокоен. Так же деловит и спокоен, как тогда, когда смотрел на вспыхнувшую Казань, где в крови и пламени рождалась новая победа рабочего класса. Большая душа если и страдает, то страдает молча. А Троцкий, конечно, сильно страдал, когда там, на железнодорожной насыпи, смотрел на пылающую Казань и слушал грохот артиллерии, расстреливавшей казанских рабочих.

Я помню, как в тот вечер пришла к нам в вагон прибираться местная крестьянка и долго рассказывала нам о Троцком. Нам — о Троцком! Она только вымыла пол в его купе и, вероятно, только один раз мельком видела его, когда он выходил. Но она тотчас же узнала его. И надолго, может быть до конца жизни, сохранится у нее впечатление этой встречи.

— Видела, братики... Какое белое лицо. И уже седой, а еще и не старый. Много, видно, у него забот.

Она говорила долго. Говорила, как о сыне. Молила Бога, чтобы он помог Троцкому прогнать «проклятых чехов».

— А если Бог не поможет, так мы поможем, — пошутил слушавший ее матрос.

Крестьянка нежно погладила его по голове.

— Дай Бог, — опять сказала она. — По вас вижу, что люди у него хорошие. С вами не пропадешь.

Потом она замолчала и задумалась. Вздохнула, и неожиданно в двух словах выразила все свои впечатления о Троцком:

— Неулыбчивый человек... — сказала она и заторопилась к выходу.

Да, «неулыбчивый человек». Это оттого, что мало приходилось улыбаться всем тем, кто после целых столетий гнета и насилия взял в руки оружие и восстал против поработителей. Это оттого,

что борьба, кровавая и ужасная, стала единственным средством избавления. Восставший пролетариат творит жестокое и святое дело, зная, что у него нет выбора. Его ждет или смерть, или победа. И он умрет или — победит!

